

грубо нарушили "Норму"

Teatro Massimo в Санкт-Петербурге

Газета - 2003 - 10 кт. - с. 7.

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Сицилийский оперный театр Massimo из городка Катания привез в Петербург в качестве подарка к юбилею города знаменитую «Норму» своего земляка Винченцо Беллини.

В Театр оперы и балета имени Мусоргского за художественным продуктом ходит особая публика. Состав ее сформировался за десятилетия правления Станислава Гадасинского, бессменного руководителя театра. Именно он сформировал нынешние представления «своей» аудитории о том, что есть прекрасное в оперном искусстве. И представления эти застыли где-то на уровне века девятнадцатого. Публика Малого оперного жаждет красивого и удобопонятного искусства, без выкрутасов и «модернизму», — и Малый оперный эту жажду с успехом утоляет.

Стоит ли удивляться тому, что, взглянув с пристрастием на оперную карту Европы, только в городке Катания Малый оперный театр нашел себе единомышленника?

Теперь Teatro Massimo — желанный гость на сцене бывшего Малого; труппа приезжает уже во второй раз.

В прошлом году, правда, спектаклей не привозили. Состоялась лишь пара гала-концертов, посвященных прошедшему юбилею Беллини, имя которого носит сицилийский театр.

Год назад в концерте пение солистов показалось в целом удовлетворительным. Но в спектакле все вокальные красоты куда-то улетучились. Само же зрелище оказалось столь изуряюще примитивным, что называть его спектаклем язык не поворачивался: вышел хор в черных картонных париках, постоял «стенкой». Пробасил реплику, послушал солиста — ушел, слегка покачиваясь вразнобой при ходьбе. Выражение лиц при том у суровых жрецов-друидов (действие происхо-

дит в заповедных лесах древней Галлии) было детски-недоуменным и слегка испуганным: будто вышли дремучие пастухи на сцену и не знают, как быть дальше. Чем-то их лица напомнили усачей-выпи-вох на полотнах Пиротомани: та же застылость черт, ритуальность поз. Типичный образчик неподдельного «наивного» искусства, оперный примитив в чистом виде; водился в итальянских глубинке, на сицилийских просторах.

Наверное, именно так выглядели спектакли на родине оперы двести лет назад: никакого режиссерского диктата, никаких световых ухищрений, игры, мизансцен, все просто, понятно и незамысловато. Брызнул светом на рампу, подсветят озерцом солиста — и ладно, и хорошо. А если нужна луна, то повесят на веревочках выпуклое блюдечко-сахарницу — вот вам и луна.

Было по-настоящему сморзно, но, наперное, не этого добились постановщики спектакля, ведь история-то грустная. Про неразделенную любовь прорицательницы племени галлов Нормы к римскому военачальнику и завоевателю галлов Поллиону. И конец у нее трагический: Норма восходит на костер, и потрясенный величием ее духа Поллион идет вслед за нею.

Главное в опере, конечно, не сюжет, а музыка; хорошо бы при этом, чтобы пели прилично. Но и этого не случилось.

Старательно, с убийственной серьезностью выполняла коронную магию Casta Diva пухлая примадонна, гречанка Димитра Теодосиу, явно пытаясь подражать своей великой соотечественнице Марии

Каллас. Но в отличие от нее благородно держаться не умела: приторные ужимки то и дело искажали ее лицо, дышанию в ариях бралось там, где заблагорассудится: в середине фразы, а то и в середине слова. Верхние ноты казались пронзительно резким истощенным воплем.

Мужчины в Teatro Massimo и звучали, и выглядели куда лучше женщин. Поллион (Карло Вентра) по крайней мере пел вполне гибким звуком, довольно непринужденно двигался, и вообще по нему угадывалась обаятельная для истинных итальянцев живость и темпераментность исполнения. Неплохо провел партию и Риккардо Дзанеллато — верховный жрец Оровоз: он выглядел и звучал вполне импозантно. Впечатления не портит даже нелепый костюм, похожий на белый вашик, с обрывками марли под мышками.

К несчастью, молодая Нидия Паласиос (Адельжиза) провела свою роль плачевно. Нестерпимо жеманясь, она гела любовные дуэты с Поллионом; голос качался, интонация модулировала от сомнительной — к окончательно фальшивой.

Хор в «египетских» париках преуморительно слушал верховную жрицу, для лучшей важности приложив руку к уху. На сцене светилась изнутри одинокая колонна непонятого назначения, почему-то разрисованная яркими каракулями. Стилевого единства не было и в помине. Такой задачи постановщики — режиссер Ренцо Джаккьери и художник Розелла Лео-не — перед собой, похоже, и не ставили. И оказались правы — спектакль трижды прошел на сцене театра при неизменно переполненном зале и шумных овациях.